

An impressionistic oil painting of a woman's face and head. She has voluminous, curly hair in shades of green, blue, and yellow. Her eyes are light blue and looking slightly to the right. The background is a mix of soft, blended colors. The overall style is soft and painterly.

Ирина Старкова

Волшебный мой ларец

Ирина Старкова

Волшебный мой ларец

«Издательские решения»

Старкова И.

Волшебный мой ларец / И. Старкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832170-2

— Миром правит Любовь, чудеса существуют, на свете счастье есть!

— Но позвольте, эти истины стары, кроме, пожалуй, последнего утверждения.

Впрочем, спорить с Пушкиным тоже не ново.— Да, все так. Однако есть небольшое но: раньше я в это верила, а теперь точно знаю.

ISBN 978-5-44-832170-2

© Старкова И.
© Издательские решения

Содержание

А ларчик просто открывался (вступление)	6
Разноцветные клады	7
Бессмертие	8
Буран	9
Следы на дороге	10
Открытие	11
Побег	12
Вокзал	13
Остров везения	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Волшебный мой ларец

Ирина Старкова

© Ирина Старкова, 2016

© Ирина Старкова, фотографии, 2016

© Екатерина Старкова, иллюстрации, 2016

Иллюстратор обложки Борис Житников

ISBN 978-5-4483-2170-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А ларчик просто открывался (вступление)

Волшебница протянула ларец и сказала:

– Это тебе.

– Спасибо! – поблагодарила Красавица, принимая подарок. – В нем что-то драгоценное?

– Нет, в нем бесценное. Попробуй угадать, что именно, – Волшебница улыбалась.

– Бесценное? Какой легкий ларчик... Нет, не получается. Твои подарки всегда такие необыкновенные! Что же там?

– Там Счастье. Ты ведь всегда его хотела, да?

– Ах, Счастье! У меня нет слов! Я так рада, так благодарна тебе! Но как же его открыть, этот ларчик? Крышка не поднимается, замка нет.

– Ларец открывается очень просто. Но нужно догадаться, как именно. Это обязательное условие. Только так Счастье всегда будет с тобой.

– А я смогу? – беспокойство послышалось в голосе.

– Конечно, сможешь, даже не сомневайся. Секрет я придумала специально для тебя. Более того, никто другой не сможет догадаться, как именно открывается этот ларец. Обещаю, тебе понравится моя загадка.

...И вот ларец открыт.

Разноцветные клады

В моем детстве у девочек была игра в клады. В приметном месте в земле делалась ямка. На дно ее укладывалось что-нибудь красивое: яркий фантик, фольга, цветочек, необычная пуговка – что фантазия подскажет, что припасено в кармане. Сверху созданная композиция прижималась небольшим стеклышком. В итоге рассованные по детским карманам и мало интересные для взрослых мелочи превращались в замысловатую композицию, несущую необъяснимый смысл. Это и был клад. Сокровище зарывалось. Через какое-то время его нужно было как бы найти и откопать. Делалось это в присутствии подружек или в одиночку. Время откапывания клада тоже интересный момент в игре. Можно было прийти на следующий день и как бы невзначай клад найти (здесь тоже у каждой своя фантазия и целый спектакль). Я никогда не оставляла свой клад зарытым надолго. Только закопав, тут же и раскапывала его. В зрителях нужды чаще всего не было. Просто меняла роли и, раскапывая, смотрела на клад глазами другой девочки. В общем, театр одного актера.

Отрывочные детские воспоминания подобны этимкладам. Прекрасные композиции, когда-то созданные, манят своим таинственным богатством и хотят открыться внимательному взгляду – для восхищения, удивления и понимания.

Бессмертие

Наверное, мне было года четыре. Родители работали в одном из сибирских санаториев в живописном месте на берегу реки. Мы жили в большом деревянном доме. На широком дворе росли две старые сосны. Под ними все было усеяно шишками, а между деревьями натянут гамак. Рядом раскинул широко свои ветви куст боярышника. А дальше до самого забора простиралось зеленое море травы.

Однажды летним днем мама лежала на кровати у окна, а я примостилась у нее в ногах. В раме открытого окна пребывала знакомая картина: сосны, гамак и забор за ними. Звуки, запахи – все было родным, любимым. Почему-то я спросила маму, умрет ли она. Ответ был утвердительный. Я спросила: «Умру ли я?». И мама снова сказала: «Да». Второй ответ меня возмутил. Я чувствовала, что не могу объяснить, почему она не права. Не хватало запаса слов и понятий, только протест мощной силой бурлил во мне, не находя словесной формы для выражения. Мама смеялась, что-то говорила об устройстве жизни, и в ее словах чувствовалась тоже могучая сила и уверенность. Теперь-то я знаю: врачи народ особенный. Им ничего не стоит и черепом человека украсить свой кабинет. А тогда я перестала спорить. Чувство, которое обуревало душу, сегодня можно назвать суровым отделением от маминой правды и упорным, бескомпромиссным сохранением собственного знания. Кажется, я сказала маме, что не умру никогда. Так встретились две правды – души и тела.

Буран

Позже родителей перевели на работу в город. Недалеко от него в совхозе жили дедушка с бабушкой. Мы часто ездили к ним. Путешествие было недолгое, но сильное по впечатлениям. Сначала автобус – маленький, пузатый, с одной дверью и втрое меньше, чем желающих в нем поместиться, потом поезд, о приходе которого сообщали звуки колокола, затем нужно было немного пройти от станции до совхоза. Летом дорога весело бежала между пшеничными полями, а зимой перед взором путника простиралось бескрайнее сибирское снежное поле. Я ориентировалась в этом пространстве благодаря дороге.

Как-то зимой перед отъездом из деревни погода испортилась, повалил снег. Маме было нужно на работу, и варианты «ехать-не ехать» не рассматривались. Вышли, пошли. В деревне сквозь метель еще были видны дома, а в поле снег и ветер усилились, начался буран. И сколько ни напрягай зрение, кроме снега под ногами и вокруг не было видно больше ничего. Мама шла впереди. Ее синее габардиновое пальто с поднятым лисьим воротником за шаг от меня едва виднелось, ноги проваливались в снег. Я шла по ее следам, широко шагая, чтобы попасть в них. Мама периодически оборачивалась. Говорить было невозможно: ветер и снег не давали. Страх не было, а было упорство и старание преодолеть препятствия. Шаг в шаг и вперед, удерживая перед глазами фигуру мамы. Через какое-то время показались штабели шпал – мы вышли на железнодорожный путь. Повеселели! Пошли по шпалам пути и вскоре рассмотрели сквозь снежное неистовство здание вокзала, вошли в него. Внутри было тепло, неожиданно тихо и надежно. В углу – знакомый бак с питьевой водой и металлическая кружка на цепочке. Немногочисленные пассажиры ожидали своих поездов на лавках.

Странный это был переход. Вокруг бушующая опасная стихия, а в душе уверенность и спокойствие. Никогда раньше, ни потом я с мамой ТАК никуда не ходила. Позже узнала, что буран в Сибири – уважительная причина для опозданий. Как она решилась ехать в тот вечер и, главное, как ориентировалась в тех условиях – вопросы без ответов. Интуицию объяснить невозможно.

Следы на дороге

Наступило лето, и меня отправили к бабушке с дедушкой. Субботним вечером приезжала из города мама, а утром в понедельник возвращалась назад. Через какое-то время я начала скучать без нее и в очередной приезд просилась домой. Но у мамы были неотложные дела, она объясняла, что нужно потерпеть до следующей субботы и вообще потерпеть. В очередной раз, когда терпение окончательно закончилось, я снова просила и умоляла, а получив отказ, решила, что утром увяжусь за ней и обязательно уеду домой. Зная, что утром не услышу, как она встанет, нашла верный способ проснуться – спрятала ее босоножки себе под подушку. Утром, проснувшись, первым делом сунула руку под подушку. Босоножек там не было. Вскочив, рыдая и причитая, на ходу натягивая платье, побежала на улицу. Бабушка, смеясь, увещевала вслед, что поезд давно ушел, но я не верила и бежала на станцию. Когда началась дорога, петляющая сквозь пшеничные поля, я увидела мамины следы, узнав их по дырочкам от каблучков босоножек. Я бежала, как гончая, по этим следам, но вел меня не запах, а чувства. Это была мама, и она уходила на поезд без меня. Без меня! Догнать, во что бы то ни стало нужно догнать! Ближе к станции покрытие дороги изменилось, и следы маминых босоножек исчезли. Я остановилась, покрутилась на месте. Чувства, которые меня вели, внезапно оборвались, и что делать дальше, я не знала. Высокое летнее небо, желтые пшеничные поля, ромашки вдоль дороги взирали на трагическую сцену молча и равнодушно. Успокоившись, я пошла назад в деревню, продолжая рассматривать дырочки от каблучков и следы своих босых ног рядом. Чувства меня переполняли уже совсем другие. Как их объяснить из сегодняшнего дня? Недостижимый разум взрослого, детская неспособность объясниться и получить желаемое, неизбежность маминого решения. И пришедшее смирение, после бури протеста, горя и отчаяния.

Открытие

Прошел дождь, проезжую дорогу развезло – грязь, не пройти. Я сижу у окна и смотрю на грустную картину сельской жизни. Вдруг появился мужик. Посмотрел на дорогу, примериваясь, как лучше ее перейти. Потом махнул рукой и пошел напрямик. На нем большие кирзовые сапоги, никакая грязь им не страшна. После мужика на раскисшей дороге остались следы. Смотря на них, я начала фантазировать. Вот сейчас подойдет к дороге другой мужик, но не в сапогах, а в ботинках. Посмотрит, где бы ему перейти на другую сторону, и, увидев эти следы, обрадуется и пойдет по ним след в след. Потом по следам пойдут другие люди. Вереницу возникших образов завершала девушка в туфельках на высоких каблуках. Перед ней уже будет протоптанная тропинка, по которой смело можно идти, не пачкая туфелек. И я вдруг поняла, как рождаются тропинки. Это было открытие.

Побег

Очередное свое лето я проводила в деревне. Мне нравилось у бабушки с дедушкой. Множество новых и увлекательных занятий, которых просто не могло быть в городе, появлялось у меня. И свободы было больше. Но через какое-то время опять началась непреодолимая тоска по маме, по дому. Спонтанно возникло решение: раз она не хочет меня забирать в город, уеду сама. В дорогу собралась основательно. На платье надела сверху еще одно платье, только что сшитое бабушкой. Зачем людям чемоданы, когда все необходимое можно носить на себе?!

Пришла на станцию, дождалась поезда. Пассажиры засуетились, хватая вещи, заспешили на посадку. Я тоже подошла к вагону и попросила какую-то женщину посадить меня. Та и посадила, а проводница решила, что я с ней еду. Уже в пути выяснилось, что еду я одна, а поезд идет в противоположную от моего города сторону. Народ ахал и охал, посадившая меня женщина оправдывалась и каялась, а проводница приняла меры. На следующей станции появился милиционер и привел меня в отделение милиции. В каком-то кабинете мне учинили допрос. Я молчала, ни звука не издавая.

– Немая ты что ли?! – устало воскликнул милиционер. Ему явно надоело со мной возиться. Тут в кабинет заглянул железнодорожник. Узнав, в чем дело, предложил забрать меня к себе домой. Я согласилась. Дома у него была жена. Она вдруг запричитала, начала кормить меня, а потом сказала мужу, что хорошо бы было девочку удочерить. С этого момента я заговорила и рассказала все, что спрашивали. Все данные были сообщены милиционеру, тот дозвонился до маминой больницы и сообщил ей, где находится ее дочь. Вскоре мама приехала на лошади, запряженной в телегу, и сама управляя ею. Она благодарила всех на станции за участие в моей судьбе, отвечала на разные вопросы, заодно консультировала желающих по проблемам здоровья. Как-то все было благосклонно, приветливо и почти по-родственному. Сибиряки – люди с широкой душой! Потом меня усадили в телегу, засланную сеном, закрыли какой-то шубой: вечерело, становилось прохладно. Мама взяла вожжи и уселась впереди. Лошадь тронулась. Колеса поскрипывали, телега колыхалась, под шубой было тепло, сено приятно пахло, мама была рядом. Мир, покой и гармония царили в душе.

Вокзал

Вокзал был местом впечатляющим. Во-первых, внушал опасения, потому что громко объявляли: «Берегитесь поезда!», и все начинали волноваться и суетиться. А еще, уже стоя у вагона, слушали по радио новое предупреждение строгого голоса: «Поезд из Абакана прибывает на такой-то путь!». Какое-то непонятно-жуткое слово А-бА-кАн, как раскрытые огнедышащие пасти огромного дракона, и свистящий, пыхтящий паровоз проходит рядом. И если на соседнем пути стоит поезд, то мы оказываемся в узком железном коридоре. В животе что-то сжимается, мама крепко держит меня за руку. Потом бурная посадка, в руках картонные билетки коричневого цвета с цифрами, буквами и дырочками. Но постепенно все пассажиры забираются в вагон, рассаживаются по местам, успокаиваются и становятся совсем хорошо и уютно.

Кроме опасного и тревожного, у вокзала было и другое лицо: интересное, необычное, загадочное. Зал ожидания удивлял полукруглыми окнами, лепниной на потолке, полуколоннами у дверей и прочими архитектурными сложностями. На стенах висели картины. Мне нравилась одна. Каждый раз я внимательно ее рассматривала. Сюжет картины был прост. Перед зрителем открытое окно, на подоконнике стоит кувшин с цветами, а за окном летний пейзаж где-то за городом. (Мне представлялась сначала деревня, позже пионерский лагерь за Томью). И бежит девочка в спортивной одежде. Не просто мимо бежит или в кроссе участвует. Она бежит ко мне, наблюдающей за ней из окна. И каждый раз, смотря на картину, я ждала встречи, а девочка с неизменным постоянством бежала дружить со мной.

Выход на перрон был через большие двери, потом площадка перед ними и ступени. Но главная достопримечательность перрона – колокол на стене. В него ударял дежурный при подходе поезда. Не знаю, как сочетались эти действия: звонить в колокол и объявлять по радио о приходе поезда. Главными для меня были впечатления, а не информация. Если объявление по радио внушало опасения, то колокол пробуждал неведомое волнение и радостное возбуждение в душе.

Еще в вокзале были широкие деревянные диваны для отъезжающих. На них было удобно сидеть и наблюдать за людьми. Столько сюжетов и образов представало перед глазами! Даже не зная, что такое сюжет и образ, впитывать их было невероятно увлекательно.

Остров везения

Зимой маме дали путевку в санаторий, который находился за городом в сосновом лесу. Я там была с отчимом у нее в гостях. Дорога была такая: дойти до гастронома с любимой витриной – яркие нарисованные фрукты на огромном стекле – спуститься к реке и перейти ее. На самом берегу – вход в санаторий. Для восьмилетней девочки совсем несложно. Однажды вечером отчим сказал, что путевка у мамы заканчивается и он пойдет ее завтра встречать. Меня с собой не взял, да я и не просила. Решила, что тоже пойду встречать маму. После школы тщательно собралась в дорогу. Зима в Сибири нешуточная, а поэтому к теплым штанам добавила еще одни. Шапка, шуба, шарф, валенки и рукавицы, как обычно. К санаторию пришла быстро. Меня там узнали. Сказали, что группа отдыхающих совсем недавно ушла в город. Кажется, накормили в столовой, потом подвели к реке и показали, как идти. Показанных ориентиров я не поняла, но не сказала об этом. Просто пошла по реке вперед. Быстро стемнело. Я шла и внезапно очутилась в лесу. На Томи, в середине ее, есть небольшой остров с соснами. Когда я выходила на реку, он был далеко слева. Непонятно, как я туда пришла. Идти по снегу было тяжело. Устав, я присела под елку и задремала. Не знаю, сколько это продолжалось, но вдруг меня кто-то стал будить. Едва открыв глаза, увидела перед собой двух мальчишек на лыжах. Один из них был сын маминой подруги Виталик, старше меня лет на семь. Проснуться окончательно не получалось. Огромное могучее облако неведомой силы запеленало сознание и крепко держало, не давая выскользнуть. Виталик махнул парню рукой, чтобы тот его не ждал, а меня поднял и стал устраивать за собой на лыжи, привязав к поясу ремнем. Таким образом мы двинулись вперед. Я продолжала спать и одновременно держалась за Виталика. Иногда, пытаясь открыть глаза, замечала деревья по сторонам. Дойдя до города и увидев знакомую витрину, ярко горящую летними фруктовыми радостями, моментально проснулась. Виталик отстегнул ремень, внимательно посмотрел на меня и спросил, найду ли я сама дорогу домой. Город я знала хорошо, к тому же сон пропал окончательно. Заверив Виталика, что все знаю, чуть ли не побежала домой. Горели уже фонари, и окна в домах светились. Было страшно, что меня будут искать. О моем путешествии я дома не рассказала, Виталик тоже промолчал. Этот случай часто мне вспоминался. Для чего это все со мной произошло? И почему произошло? А самое удивительное: какой ювелирный расклад ситуации! Не только место под елкой и лыжня рядом, а и время появления на лыжне человека, причем знакомого человека. Непостижимо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.